

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

**К 200-летию
со дня рождения
Б.А. Дорна**

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2⁽³⁾
осень — зима
2005

Журнал основан в 2004 году
Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

- А.И. Колесников, Н.Л. Лужецкая.* Выдающийся
востоковед академик Б.А. Дорн 5
- О.В. Васильева, Л.А. Шилов.* Академик Б.А. Дорн —
библиотекарь Императорской Публичной библиотеки 16

ПУБЛИКАЦИИ

- С.М. Прозоров.* «Верования арабов во времена
ал-джахилии» аш-Шахрастани. *Комментированный
перевод с арабского* 26
- В.А. Дроздов.* Фахр ад-Дйн 'Ирақй. 'Ушшāқ-нāме
(Книга влюбленных). *Предисловие, перевод с персид-
ского и комментарии. Часть 1* 47
- И.С. Егоренков.* Парафраз Сима (Наг-Хаммади VII.1).
Введение, перевод с коптского и комментарии 84

ИССЛЕДОВАНИЯ

- М.С. Пелевин.* Распространение ислама и развитие
письменности у афганцев в XVI–XVII вв. 113
- З.А. Джандосова.* Обычай заступничества в Афгани-
стане на рубеже XVIII–XIX вв. 125
- Н.Л. Лужецкая.* Материалы к истории разграничения
на Памире в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН
(фонд А.Е. Снесарева): «Отчет Генерального Штаба
капитана Ванновского по рекогносцировке в Рушане»
(1893 г.) 134

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2005

<i>А.И. Колесников. Управление Хорасаном в IX–XII вв. (по сведениям мусульманских географов)</i>	153
<i>Е.И. Васильева. Курдское племя в источниках и литературе</i>	172
<i>О.М. Чунакова. Пехлевийский лапидарий</i>	196
<i>А.Г. Грушевой. Иосиф Флавий, Филон Александрийский и автор Деяний Апостолов о межэтнических конфликтах в Палестине I в. н.э.</i>	205
<i>А.Б. Куделин. «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама как памятник средневековой арабской литературы</i>	223

РУКОПИСНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

<i>А.К. Козмоян. Средневековые армянские переводы Корана в рукописях Матенадарана</i>	235
---	-----

ЭЛЕКТРОННЫЕ БИБЛИОТЕКИ

На четвертой стороне обложки:

Из собрания СПбФ ИВ РАН (арабографичный фонд)

1) «Ас-Самй фй-л-асами» («Превосходный в [определении] имен»). Арабо-персидский словарь.

Автор Абу-л-Фазл Ахмад б. Мухаммад ал-Майдани. Список 537/1143 г. (В 523, л. 110b–111a)

2) «Тухфат-и 'айн-и хайат» («Дар источника жизни»). Географическое сочинение. Автор не установлен. Список начала XVIII в. (В 839, л. 88b–89a)

<i>С.М. Прозоров, М.Г. Романов. Обзор электронных баз данных по исламу на арабском, персидском и английском языках. Выпуск I</i>	240
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>С.Л. Невелева. XXV Зографские чтения: Проблемы интерпретации традиционного индийского текста. Санкт-Петербург, 24–26 мая 2004 г.</i>	258
<i>Н.В. Козлова. Конференция, посвященная 90-летию И.М. Дьяконова</i>	264

РЕЦЕНЗИИ

<i>Н. Велиханова. Шагинян А.К. Закавказье в составе Арабского халифата</i>	266
<i>А.Г. Грушевой. A. Sivertsev. Private Households and Public Politics in 3rd–5th Century Jewish Palestine</i>	270

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
В.В. Волгина
Р.И. Котова
З.Г. Минеджян
О.В. Волкова
М.П. Горшенкова
В.И. Мартынюк
Л.Л. Михалевский
Э.Л. Эрман

**Материалы к истории разграничения на Памире
в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (фонд А.Е. Снесарева):
«Отчет Генерального Штаба капитана Ванновского
по рекогносцировке в Рушане» (1893 г.)**

Значительная часть материалов фонда А.Е. Снесарева в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН имеет отношение к изучению Памира. В особый раздел в составе фонда выделены документы о деятельности Памирского отряда. Этот раздел охватывает около четырех десятков единиц хранения. Документы относятся к периоду 1890–1900-х годов, принадлежат перу офицеров, служивших в указанное время на Памире, и весьма разнообразны по составу — от пространных военно-статистических описаний и отчетов о командировках до повседневных рапортов и донесений начальников пограничных постов. Некоторые документы составляют тематические группы, по-видимому отражающие интерес А.Е. Снесарева к определенным вопросам истории включения Памира в состав России и изучению сопредельных стран.

Самый ранний из таких комплексов относится к лету и осени 1893 г. и посвящен действиям Алайского резервного отряда под командованием полковника М.Е. ИONOва, служившего в это время в должности начальника войск, расположенных на Восточном Памире, и заведовавшего памирским населением на правах уездного начальника. В состав этой группы документов входит «Отчет полковника ИONOва по Алайскому резервному отряду и по движению летучего отряда на р. Бартанг в Рушане» с 35 приложениями¹; также обращают на себя внимание документы, посвященные рекогносцировочному походу в Рушан отряда под началом С.П. Ванновского². Сергей Петрович Ванновский, сын военного министра П.С. Ванновского, штабс-капитан лейб-гвардии Преображенского полка, причисленный к Генеральному штабу, был летом 1893 г. командирован в распоряжение полковника ИONOва. Документы об этой командировке, представленные С.П. Ванновским начальству Туркестанского военного округа, включают в себя описание хода экспедиции, краткий очерк Рушана, маршруты движения отряда, а также полную подборку сопутствующей переписки, в том числе копии донесений, рапортов и писем полковнику М.Е. ИONOву и другим офицерам отряда, письма афганским властям и др. Общий объем этих материалов — около двухсот листов.

Сведения о Рушане, собранные С.П. Ванновским во время рекогносцировки, как представляющие острый геополитический интерес, были немедленно опубликованы в выдержках в периодическом издании Военно-ученого комитета Главного штаба³. Как показывает анализ архивного документа, это издание осуществлялось именно по тому экземпляру, что хранится в фонде А.Е. Снесарева: редактор, готовивший пуб-

Лужецкая Нина Леонидовна — к.и.н., ст.н.с. Сектора Среднего Востока СПбФ ИВ РАН.

¹ АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 115, оп. I. Раздел III. Ед. хр. 117.

² Там же. Ед. хр. 115, 116.

³ Извлечение из отчета Г.Ш. капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе 1893 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LVI. СПб., 1894.

ликацию, сделал в тексте Ванновского значительные сокращения, внес некоторую правку, написал указания для наборщиков. Таким образом, одна из граней рекогносцировки Ванновского — географическая, страноведческая — стала известна специалистам и заинтересованным кругам по горячим следам событий. Однако оставалась в секрете ее военно-политическая сторона, и полностью отчет о путешествии Ванновского никогда не был издан. Вниманию читателя предлагается публикация первого раздела «Отчета» Ванновского, посвященного описанию хода экспедиции⁴.

Этот документ имеет прямое отношение к истории разграничения на Памире (так называемому Памирскому вопросу). Суть этой проблемы вкратце такова: соглашением между Россией и Англией в 1872–1873 гг. граница афганской провинции Бадахшан с округом Вахан (т.е. граница сферы влияния Российской империи) была установлена от оз. Зор-Куль по р. Пяндж до слияния р. Кокчи с Аму-Дарьей. Все земли к северу от границы входили во владения Кокандского (Восточный Памир) или Бухарского ханств (Дарвазское бекство) либо оставались номинально самостоятельными (ханства Западного Памира — Шугнан, Рушан, Вахан). В 1876 г. Кокандское ханство было присоединено к России, после чего она начала постепенно утверждаться на Восточном Памире, выдвигая посты на границы кокандских владений. Складывалась практика летних походов русских войск на Памир для официального занятия территорий. Западный же Памир оставался сначала в прежнем положении, Россия не торопилась занять пограничные ханства, зато в 1883 г. в Шугнан и Рушан, а затем и в Вахан ввел войска афганский эмир Абдуррахман-хан — в этом шаге, нарушившем соглашение 1873 г., отразились и интересы Британской империи. К началу 1890-х годов встречное движение империй наряду с притязаниями афганских и китайских властей на пустые (или казавшиеся пустыми) пограничные территории стало вызывать очень серьезные внешнеполитические проблемы, так что возникла необходимость срочного официального разрешения Памирского вопроса, т.е. установления официальной границы. До этого заинтересованные стороны спешили выдвинуть свои форпосты как можно дальше, старались основательно исследовать спорные территории, чтобы иметь материал для переговоров. В это время зафиксирован ряд обращений со стороны местных владетелей о приеме их ханств, подвергавшихся давлению со стороны Афганистана, под покровительство России. Регион обследовали русские и английские экспедиции, обе державы организовывали более или менее крупные разведывательные походы, некоторые пригинудушские владения подверглись вооруженному захвату. Летом 1891 г. состоялся так называемый первый поход полковника Ионova: рекогносцировка на Памире с целью демонстрации Россией своих прав и намерением «перекрыть поползновения» соперника. В 1892 г. в Петербурге прошли два Особых совещания по Памирскому вопросу. На втором из них постановили направить на Памир войска, на чем особенно настаивал военный министр П.С. Ванновский. В июне 1892 г. состоялся второй поход Ионova, в результате которого на Памире был оставлен постоянный военный пост и введено военное управление на Восточном Памире.

Оставалась нерешенной проблема Западного Памира — принадлежность Запаянджского Дарваза, разрезанных Пянджем областей. В марте 1893 г. прошло новое Особое совещание по Памирскому вопросу, на которое были приглашены туркестанский военный губернатор Повало-Швыйковский, политический агент в Бухаре Лессар, полковник Путята и полковник Ионов. Было принято решение настаивать на полном соблюдении соглашения 1872–1873 гг. и требовать размена Западного Памира на Запаянджский Дарваз⁵.

⁴ В дальнейшем намечено полное издание всего рассматриваемого комплекса документов, содержащихся в единицах хранения 115–117 Фонда А.Е. Снесарева.

⁵ *Халфин Н.А.* Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М., 1965. С. 394–402.

После Особого совещания марта 1893 г. на Памире состоялась еще одна военно-политическая акция — выдвижение Алайского резервного отряда полковника Ионова и рекогносцировка Ванновского, — не носившая, в отличие от первых двух походов Ионова, демонстративного характера. Из-за этого, очевидно, она осталась малозаметной в истории памирского разграничения, несмотря на то что результаты ее способствовали формулированию позиций России в этом вопросе.

В августе 1893 г. Ванновский отправился в путь. Согласно инструкции, полученной от командующего войсками Ферганской области⁶, на него возлагалась рекогносцировка пути с Алая мимо оз. Большой Каракуль к Ташкургану и, «если удастся за отсутствием афганцев в Рушане», путей по р. Бартанг до впадения ее в Пяндж и путей из Рушана в долину Язгуляма и Ванча. Ему поручалось «собрать подробные военно-статистические сведения, дабы можно было составить ясное понятие о возможности постоянного занятия нашими войсками или нижнего течения Кудары, или Бартанга... Мирное и успешное выполнение разведки поставлено вам будет в особую заслугу».

Для полноты картины необходимо привести краткие сведения о драматических событиях вокруг поездки Ванновского, почерпнутые из отчета М.Е. Ионова: в ночь на 5 сентября на Алае были получены тревожные известия от Ванновского из Рушана. Тот сообщал, что афганские части, значительно превосходящие по численности, 30 августа начали неприятельские действия. Открыв огонь по патрулю Ванновского, афганцы собирались атаковать занятую им позицию в селении Имц (Юмч, Йемс). При этом Ванновский доносил, что отступить не намерен. Тогда полковник Ионов оставил командование Алайского отряда заместителю и лично поспешил на выручку во главе летучего отряда из 20 казаков и конно-горной батареи. В общей сложности отряд Ионова в Рушане насчитывал 48 человек. Тем временем Ванновский, продержавшись под огнем афганцев семь часов, отступил к селению Багу. Противостояние тянулось примерно трое суток. По сообщению Ванновского, потери афганцев составляли трое убитых и несколько раненых. 9 сентября Ионов вышел в пределы Рушана, а 12 сентября получил донесение от Ванновского. Тот сообщал, что решил все-таки избегать осложнений с афганцами и не прорываться дальше на запад, к впадению Бартанга в Пяндж, а потому уходит перевалом Шид-Акба на север, в Дарваз, на бухарскую территорию. Из дальнейшего явствует, что афганцы его преследовали, а также разрушали балконы и переправы на пути отряда Ионова. Пройдя селение Бассит, летучий отряд Ионова получил известие, что Ванновский благополучно перешел в Дарваз. Полковник Ионов задержался в Рушане, чтобы устроить укрепленный пост и оставить на зиму небольшой пикет для наблюдения, но тут пришло строгое предписание от начальника военного округа немедленно уходить во избежание серьезного конфликта и дипломатических последствий. Ионов настаивал на своем, ссылаясь на бедствия, ожидавшие местных жителей со стороны афганцев. Эта переписка продолжалась до 28 сентября, но приказ пришлось все-таки выполнять. Местные жители уходили вместе с отрядом. Ионову удалось оставить пост во внутренней, восточной части Рушана. С оз. Каракуль его отряд ушел прямо в Фергану, куда прибыл и Ванновский по завершении порученного ему обследования Дарваза⁷.

Перед нами описание русско-афганского пограничного конфликта, ранее известного только в изложении афганской стороны: он кратко упоминается на страницах третьего тома «Сирадж ат-таварих», после чего следует текст письма эмира Абдурахман-хана с изложением позиций Афганистана в отношении прав на Памир⁸. Итак,

⁶ АВ СПбФ ИВ РАН. Ф. 115, ед. хр. 117. Лл. 51об.–53 (Приложение 11).

⁷ Там же. Лл. 8–30об.

⁸ *Файз Мухаммад б. Са'ид Мухаммад Могол. Сирадж ат-таварих. Т. 3. Кабул, 1914/15. С. 936–937.*

хотя события, связанные с поездкой С.П. Ванновского, невелики по масштабам, они важны для истории разграничения на Памире: в марте 1893 г. на Особом совещании военный министр настаивал на самых решительных действиях по присоединению Западного Памира, но это не встретило поддержки со стороны дипломатического ведомства. Вероятно, военные решили на всякий случай предпринять попытку все же заявить о правах России хотя бы на Шугнан и Рушан — ближайшие к бухарским владениям территории: предвидеть развитие дипломатической борьбы с английской стороной и реакцию афганцев было в тот момент невозможно, и существовал вполне реальный риск потерять эти области. Выдвижение Алайского резервного отряда должно было послужить фоном для акции по заявлению прав России. Рекогносцировка капитана Ванновского удалась в тех рамках, что были намечены в официальной инструкции, и он собрал обширные сведения о Шугнани, Рушани и Дарвазе, а вскоре вопрос о Западном Памире уладился в пользу России согласно договору Дюранда. Полковник Ионов, вызвавший резкое неудовольствие своего прямого начальства в Туркестане и даже в Петербурге (судя по приказам и телеграммам, полученным им в Рушани), был тем не менее уже 14 февраля 1894 г., как только все рассматриваемые здесь документы поступили в Петербург, произведен в генерал-майоры.

Экземпляр отчета Ванновского, который находится в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (Ф. 115, оп. I. Раздел III. Ед. хр. 115. Л. 3–35. Отчет по рекогносцировке в Рушани), представляет собой чистовой рукописный текст, написанный черными чернилами. В конце стоит подпись автора («Составлял Генерального Штаба капитан Ванновский»). Сам отчет не датирован, но на первом листе помещена резолюция генерал-майора Повало-Швыйковского, датированная 31 декабря 1893 г.

При публикации в написании топонимов и имен собственных сохранена орфография оригинала. Постраничные примечания к тексту принадлежат его автору. Пояснения в квадратных скобках принадлежат публикатору.

Отчет по рекогносцировке в Рушани

Согласно предписания Штаба войск Ферганской области за № 3330 от 18 июля 1893 года и предписания начальника войск, расположенных за Алайским хребтом и на Памирах, за № 215 от 5 августа 93 года 6 августа сего года я выступил из урочища Сары-Таш в сопровождении 2-го Туркестанского линейного батальона штабс-капитана Бржезицкого, двух рядовых охотничьей команды верхом 2-го Туркестанского линейного батальона, одного казенного джигита и одной выючной лошади, на которой поднят 12-ти дневный запас для солдатских лошадей и 20-ти дневный запас сухарей, крупы и приварочных продуктов для упомянутых нижних чинов 2-го батальона. Согласно предписания начальника войск, расположенных за Алайским хребтом и на Памирах, начальнику Шаджанского отряда за № 202 от 21 июля 93 года, назначенный мне от сего отряда конвой в составе 1-го офицера, 20 казаков № 6-го полка Оренбургского казачьего войска и двух джигитов должен был выступить 5-го августа из Шаджана, ожидать меня на Мусколе. Маршрут до Мускола исполнен следующий:

6-го числа — урочище Кок Сай	44 вер[сты]
7-го числа — юго-запад. часть оз. Б. Кара Куль	45
8-го числа — Мускол	26

В Мусколе, согласно приказанию командующего войсками Ферганской области, состав конвоя уменьшен на десять казаков, которые отправлены обратно в Шаджан и удовлетворены пятидневным запасом фуража и продовольствия, отправлен[но] с ними на двух верблюдах. Таким образом, моя партия состояла из: трех офицеров, одного урядника, 8-ми казаков, двух конных стрелков, трех джигитов, одного фельд-

шера. Считая моего вооруженного переводчика и прислугу, всего 15 ружей и восемнадцать сабель. При отряде имелось шестнадцать вьючных лошадей, 16 казенных и восемь частных офицерских; вьючные лошади при четырех керекешах (носильщиках).

Приняв от сотника Репина фураж на 13 лошадей (10 казачьих и 3 джигитских) на 12 дней, сухарей, крупы и продуктов на 10 казаков и 3 джигита на 26 дней и из сумм Шаджанского отряда 300 руб. на расходы по рекогносцировке, 46 руб. приварочных на 10 казаков и 3-х джигитов и 529 руб. 71 к. фуражных на казачьих и джигитских лошадей, присланный при отношении начальника Шаджанского отряда за № 537 от 5-го августа сего года anerоид, 9-го числа двинулся от Мускола к западу, предполагая пройти верховья Кокуй-Беля, затем на Апак-су, через перевал Апак в долину Шуралы, вверх по этой долине и через урочище Кок-Джар, в долину реки Танымас (Кудару) и далее долиною этой реки до Таш-Кургана.

9-го — Кокуй-Бель	30 верст
10-го — урочище Кок-Джар	33
11-го — урочище Кызыл-Тукай	20
12-го — рушанское селение Агач-Курган	34
13-го — селение Таш-Курган	24
14-го числа — дневка	

В ущелье Кок-Джар встретил я орошорского волостного Язгулема, ехавшего в Шаджан. Ему ничего не было известно о моем движении в Рушан. От него я получил сведения, что в гор. Кола-и-Вомаре находится сам Ибадулла-хан с конвоем из ста человек авганской регулярной пехоты, пришедшей с ним для сбора зикета, о чем мною было донесено немедленно начальнику войск, расположенных за Алайским хребтом и на Памирах рапортом за № 5 от 10 августа. В селении Таш-Курган я застал заарестованных аксакалом пять таджиков, пришедших с Нижнего Бартанга уговорить жителей волости Язгулема перейти обратно в авганское подданство и идти на кулдук (поклон) к Ибадулле-Хану. Мне же они объявили наоборот, что они посланы населением и пришли советоваться с родственниками о том, как им отложиться от авганцев, и просят о принятии всего Рушана в русское подданство. Писем при них никаких не было. От них я узнал, что сам Ибадулла-Хан вернулся из Кала-и-Вамара в Кала-и-бар-Пяндж. Гарнизон же, состоящий из 100 человек, остался в Кала-и-Вамаре под начальством капитана Гулям-Хайдер-Хана. Не видя надобности в их аресте, я освободил их и разрешил им сопутствовать мне.

15-го августа я двинулся для рекогносцировки реки Бартанга, причем при последующем движении производилась съемка пройденного пути и собирались статистические сведения о стране. Маршрут исполнен нижеследующий:

15-го — селение Орошор	17 верст
16-го — урочище Вадин пройдено в 13 час. вр.	18
17-го — селение Чадут (в 8½ часов)	10

18-го — переправа через реку Бартанг на левый берег, до селения Бассит пять верст. Несмотря на малый переход, пришлось остановиться в Бассите, так как до селения Аджирих не дойти бы и по дороге не достали бы фуража. Из Басита послан начальнику Алайского отряда рапорт за № 6 с волостным Язгулемом, которого брать с собой далее в пределы Афганского Рушана не решался. В Бассите же получил подтверждение, что Ибадулла-Хан вернулся в гор. Кола-и-Бар-Пяндж, в Кола-и-Вомаре же 100 человек авганской пехоты с капитаном Гулям-Хайдар-Ханом. Жители Басита в 92 году приписались негласно к волости Язгуляма, но из страха авганцев весной ходили на кулдук (приписано над строкой карандашом: поклон) в Кола-и-Вомар. До сих пор население встречало меня радушно и служило ревностно, видя в движении моем окончательное

закрепление их в русском подданстве. Далее идти приходилось Авганским Рушаном. По суждению местных жителей, по их дорогам, связанным лошадьми, нам до гор. Кола-и-Вомара можно бы дойти в 6–7, самое скорое в 5 переходов. Туземцы пешком без ноши проходят это расстояние в 3 дня свободно, а могут пройти даже в два.

Так как авганцы могли бы выступить, узнав о моем движении, мне навстречу, то я решил скорее двигаться вперед, дабы по возможности далее обрекогносцировать страну и достичь входов в ущелья, ведущие к перевалам в Дарвоз.

19-го двинулся из Басита и дошел до Аджирих левым берегом Бартанга, сделав переход в 16 верст в 9 часов времени. Носчики, взятые в Басите, должны были нести тяжести и на следующий переход, так как, во-первых, с. Аджирих состоит из 2-х дворов и имеет 2-х жителей мужчин, которые должны были указать места для переправы и вязать салы. Переправочные же средства были взяты с собой туземцами из Басита.

20-го переправились в двух верстах ниже Аджириха через Бартанг обратно на правый берег и дошли до селения Разуч, сделав переход в 10 верст в 12 часов. К селению мы подходили в начале 8 часа вечера в полной темноте, и население вышло нам навстречу с факелами и радостно приветствовало нас. В с. Разуч, по причине сильного утомления лошадей, необходимости перековать всех и наново подковать 17 из них, потерявших на последнем переходе подковы, пришлось сделать дневку.

22-го числа, взяв носчиков из с. Разуч и Биджираф, двинулся далее и дошел до с. Сипяндж, сделав переход в 11 верст в 6 часов времени. Население встречало всюду радостно, думая, что мы пришли забирать их в русское подданство. Я отвечал им, что я не уполномочен моим начальством на принятие их в подданство, но обнадеживал их тем, что между Державами в настоящее время ведутся переговоры об уступке Авганистаном незаконно ими захваченных Шугнана и Рушана под покровительство России. Относительно же цели моего движения я им говорил, что моим начальством поручено исследовать их страну по пути в Дарваз, где я хочу соединиться с находящимися там нашими путешественниками, отнюдь не ввязываясь во враждебные столкновения с авганцами. Население приходило в разочарование и полное уныние, когда узнавало, что мы пройдем в Дарвоз, а не останемся на Нижнем Бартанге и не примем сейчас же всего Рушана в подданство. До сих пор я принимал меры, чтобы о моем движении не давалось знать вперед кем-либо из жителей или каким-нибудь авганским ставленникам, для чего, подходя к селению, я высылал вперед джигита занять тропу при выходе из селения и на ночлег становился, пройдя селение, у западной его опушки. Затем само население, думавшее, что я иду с целью занять все пройденное в наше подданство, само тщательно наблюдало, чтобы никто не давал вестей о движении вниз по Рушану, и выставляло от себя караул к выходам из селения. Когда жители Сипянджа узнали, что цель наша не занятие страны, а только проход через нее, то они просили меня разрешить им сообщить о моем движении авганцам, иначе авганцы жестоко отомстят им за несообщение и оказание мне помощи и содействия. Я разрешил им написать Кола-и-Вомарскому наибу письмо, с тем чтобы они его мне предварительно представили для прочтения⁹. В Сипяндже я также узнал, что путь на перевал Одуди, единственный доступный для прохода с лошадьми, отходит из самого Кола-и-Вомара, ущельем реки Вомар-Дара. По расспросным сведениям, перевалы Биджираф, дорога к которому отходит несколько не доходя с. Разуч, и Кумач-Дара, тропа к которому отходит не доходя с. Сипяндж, недоступны для лошадей, так как ущелья загромождены рухнувшими скалами и тропинки к ним только пешие. При движении еще к Сипянджу я лично обрекогносцировал ущелье Баджоу-Дары версты на 3 и убедился в его труднопроходимости для лошадей.

⁹ Письмом рушанцы пользуются общеперсидским, так что мой переводчик мог читать их письмо.

Первоначально я полагал на этот перевал отправить лошадей и лишние тяжести, только затрудняющие движения партии по рушанским тропинкам (идушим наполовину по висячим деревянным карнизам (паринам) или по ступеням в скалах), с керекешами и двумя казаками под командою сотника Репина в Дарвоз. Самому же с остальными чинами партии следовать далее пешком, следовательно, делать переходы большие и двигаться быстрее с тем, что в случае, [если бы] авганцы загородили мне путь, я мог бы свободно отойти (лошадей мне вести назад, т.е. вверх по Бартангу, еще затруднительнее при переправах, нежели вниз), в случае же [если] путь на перевал Одуди не загорожен авганцами, пройти этим перевалом в Дарвоз на р. Язгулем, где и сойтись с отправленными туда лошадьми.

Для более подробной рекогносцировки ущелья Баджоу-Дары я назначил в Сипяндже на 23 число дневку. Сам же воспользовался этим временем, чтобы выяснить, возможно ли провести лошадей на перевал Кумач-Дара. Чем далее по ущелью, тем тропа становилась хуже, а главное, обвалившиеся груды скал заваливали ущелья на большие расстояния. Эти места безусловно непроходимы для лошадей, а разработать их или расчистить тропу от камней без подрывных работ нет возможности. Ввиду этого пришлось отказаться от плана посылки этим перевалом лошадей в Дарвоз. Вернуть их обратно на попечение Язгулема в Орошор также не представляло удобств, так как мне было поставлено задачею исследовать проходы из Рушана в Дарвоз. Во время же моего нахождения в Дарвозе авганцы могли бы отрезать меня от моих лошадей, и партии пришлось бы пешком возвращаться через бухарские владения.

Потому я решил написать письмо начальнику Кола-и-Вомарского гарнизона, в котором уведомлял его о моем движении с исключительно мирною целью — присоединиться к русским путешественникам, находящимся с генералом Баевым в Дарвозе, почему просил его пропустить меня и содействовать мне пройти на перевал Одуди¹⁰. Послал же это письмо с таким расчетом времени, чтобы оно пришло не ранее как за два дня до моего прихода к окрестностям Кола-и-Вомара. Вскоре по отсылке письма получил сведение от туземцев, что в Орошор прибыл русский отряд человек в 20 и намерен двигаться далее. Я предположил, что это наблюдательный пост, высланный в Орошор для связи со мной и для передачи моих донесений, числительности же его не поверил, а равно и тому, что он будет двигаться вниз по Рушану. Тем не менее я послал принесшего известие доложить в этот отряд, если таковой действительно пришел, что посланный видел меня и во столько-то времени может доставить мне почту.

24-го я продолжал путь далее и дошел до урочища Курц, сделав переход всего в 9 верст [и] употребив на это 6 часов. Далее двигаться в этот день нельзя было, так как до Падруза не дойти бы; здесь же мы могли достать фураж из сел. Хиджиз. Запаса на суточную потребность вперед мы нигде сделать не могли, да это потребовало бы лишних носчиков, а в таковых тоже был недостаток по причине малочисленности селений (потребность в них доходила на некоторых переходах до 80 носчиков в день).

25-го дошел до сел. Падруз, сделав переход в 11 верст в 8 часов времени. Падруз — усадьба прежнего Таш-Курганского ишана, живущего в Имце, которую сторожит его работник, других жителей нет.

26-го дошел до с. Багу 11 верст в 7 часов времени. В Багу население радостно приветствовало нас и вышло вперед помогать нести наши тяжести. Не доходя Багу, я получил ответ из Кола-и-Вомара, в котором капитан Гулам-Хейдар-Хан пишет, что содержание моего письма и просьбу пропустить на перевал Одуди он переслал Ибадулле-Хану и далее правителю Бадахшана Ша-Сейид-Джарнейлю; со своей же стороны не препятствует моему движению и рад познакомиться с нами.

27-го. Я выступил из Багу, предполагая дойти до с. Худжан в 5½ верст не доходя Кола-и-Вомара, но, подходя к сел. Имц, получил сведение от разъезда, что авганцы заняли позицию, засев в скалах за карнизами в 1 версте за с. Имц. Вышедший нам навстречу аксакал и жители сказали, что авганцы в числе около 20 человек с офицером вышли из Кола-и-Вомара для увода населения, захвата всякого рода запасов и угона скота с моего пути движения. Авганцы не ожидали столь скорого появления нашего в окрестностях Кола-и-Вомара и подходили к с. Имц с одной стороны, будучи заняты отобранием пасущегося в урочищах скота, в то время когда мы подходили с другой. Завидя наше движение, они бросили скот и отошли за карниз, где и засели, послав одного из туземцев селения Худжан приказать населению присоединиться к ним и бросить кишлак, чего население не исполнило.

Получив эти сведения, я проехал кишлаком со всеми чинами конвоя, оставив только выючных лошадей и тяжести в селении, переправился вброд через реку Рум-Дару и вышел на гальку Бартанга. Отсюда я увидел отходящих через урочище Вавзутч авганцев, гнавших с собой туземцев таджиков. У карниза они оставили нескольких таджиков с мултуками (фитильными ружьями), приказав им сломать деревянный балкон, лепящийся по скале. Эти последние этого, однако, не сделали и передали нам, что они против нас никаких враждебных действий не предпримут, а если авганцы заставят стрелять, то скорее бросятся в воду, нежели исполнят это приказание.

Для выяснения обстоятельств, а равно чтобы показать, с одной стороны, авганцам, что не имея, по смыслу их писем, оснований ожидать от них враждебных действий, с другой же стороны, показать населению, что одно присутствие авганцев, без формальной письменной просьбы остановиться, а только враждебный образ действий, не могут нас остановить, я приказал спешиться у балкона, оставив лошадей у подножия скал, и двинулся на карнизы. Пройти вперед я считал необходимым несмотря на то, что движение по этому балкону, крайне трудное и опасное само по себе, могло ввести авганцев в соблазн вернуться и перестрелять нас во время движения. Но я рассчитывал на то, что авганцы, видя спокойное наше движение, не решатся на это, а вышлют кого-нибудь на переговоры или пришлют письмо.

Кроме того, меня побуждало и то, что в ущелье, прилегающем к урочищу, был брошен авганцами скот, принадлежащий селению Имц. Занятие мною урочища давало возможность жителям тоже пройти туда и горной тропой (идушею выше балконов) пригнать скот в селение. Если же бы я выказал здесь колебание и скот был бы угнан авганцами, то я опасался, как бы население не стало делать затруднений в доставке фуража и провианта и из страха авганцев не перешло бы к ним. Пройдя балкон и опустившись со скал в урочище, я оставил конвой в роще и выставил пост у того места, где от урочища к скалам идет тропа. Авганцы заняли на скалах 2-ю позицию. Я насчитал их 15 человек и 16-й капитан. Несколько впереди их человек 50 таджиков, из них 10 с мултуками. От них отделился один и направился к нам, неся письмо. Письмо это было от авганского офицера с просьбой далее не идти, а возвратиться к Сипянджу, где ждать ответа от Ша-Сеид-Джарнейля. Далее в письме говорилось, что авганцы народ сильный, без разрешения своего начальства далее нас пропустить не могут, а если-де мы пойдем, то они будут драться, в конце письма снова просьба изложить причины нашего прихода. Только что я послал ответ за № 3, пришло еще одно письмо от авганцев. Содержание его — просьба написать лично от себя Ша-Сеид-Джарнейлю в Бадахшан; в этом же письме упоминалось о дружественных отношениях между обеими Державами, которых они, как и я, нарушать не хотят и предлагают вести переговоры лично и словесно. В ответ на это письмо я послал с джигитом второе письмо за № 4 авганскому офицеру, в котором я писал, что, со своей стороны, желаю и должен избегать всяких столкновений и очень рад войти с ним в устные переговоры.

Джигиту я приказал на словах передать, что в доказательство миролюбивых моих намерений я даже отойду к сел. Имц, где и буду дожидаться пропуска. Далее же Имца не отойду, так как лошади ужасно утомились, продовольствия и фуража нахожу по дороге мало и в случае получения пропуска придется опять проходить по таким трудным дорогам.

Послав это письмо, я вернулся с партией вечером обратно в Имц.

На следующее утро (28-го) вернулся джигит и принес письмо. Содержание этого письма заключалось в том, что надо ожидать ответа от их начальства в Сипяндже ли, здесь ли, как я заблагорассужу, и написать самому Ша-Сеид-Джарнейлю. На словах он передал, что авганцы отказываются от личных переговоров.

Вскоре после этого авганцы опустились со своей позиции в ту рошу, где я стоял 27-го, подошли к балконам и приказали своим таджикам сломать балкон. Таджики долго не решались на это в виду моего разъезда, но затем разобрали балкон со своей стороны на несколько сажень, так как мой разъезд по моему приказанию не препятствовал этому.

28-го числа я послал рапорт начальнику войск, расположенных за Алайским хребтом и на Памирах, за № 8, через перевал Рум-Дару — письмо в Дарвоз капитану Февралеву, который, по слухам, находился в Кола-и-Ванче, и отношение за № 9 начальнику поста в Орошоре, так как в этот день от туземцев получил подтверждение, что в Орошор прибыли два русских офицера с запасами, якобы, для моей партии.

29-го числа писал Ша-Сеид-Джарнейлю и авганскому капитану Азам-Хану, находящемуся в Худжане, [письмо,] в котором пишу, что препровождаю письмо Ша-Сеид-Джарнейлю и буду дожидаться его ответа в Имце, а не в Сипяндже, как потому, что в Сипяндже мне затруднительней продовольствоваться, нежели в более населенном Имце, так и потому, что капитан Гулям-Хайдер-Хан писал мне в первом своем и третьем письмах, что рад познакомиться со мной, и требования остановиться не предъявлял. В случае же его на меня нападений буду стрелять. Письма эти рассчитывал послать 30-го утром.

29-го утром было получено фактическое доказательство пребывания поста подпоручика Рукина в Орошоре — туземец доставил письмо от него на имя штабс-капитана Бржезицкого.

30-го поутру отправил письма Ша-Сеид-Джарнейлю и капитану Азам-Хану. Посланный туземец¹¹ вернулся, сообщив, что письма он перебрал в таджикский караул, выставленный авганцами. От этих же таджиков он получил сведение, что авганцы усилились 30-ю человеками, пришедшими из Кола-и-Вомара (таким образом, в Кола-и-Вомаре осталось около 50–60 человек, которых авганцы, по объяснению таджиков, не выводили, опасаясь появления с перевала Одуди русских, находящихся в Дарвозе). Кроме того, в этот день ожидалось прибытие гарнизона из Кола-и-Бар-Пянджа. Вскоре после этого прибежал таджик с передового караула и сообщил, что авганцы писем не принимают и намерены наступать. По получении этих сведений я выслал в патруль на горную тропу двух джигитов и двух казаков. Хотя мне не верилось, что авганцы предпримут враждебные действия, я стал принимать меры для обороны: лошади все были собраны и привязаны к коновязи по возможности укрыто, таджикам приказано было доставить лепешки в калу (крепость, укрепление). Туда же я послал двух стрелков, так как кала эта представляет удобный наблюдательный пункт. В 10 часов послышался первый выстрел со стороны авганцев, вскоре после этого послышались еще два выстрела; затем после небольшого перерыва опять несколько выстрелов. В это же время из патруля пришел джигит с донесением, что авганцы наступают и стреляют по ним пока на далекое расстояние и что кроме прежних их

¹¹ Джигита я не посылал, так как авганцы просили никого из состава партии к ним не посылать.

прибавилось человек на 15. Он спрашивал, что делать и отвечать ли на их стрельбу. Я приказал патрулю отвечать на их выстрелы и стараться, пока возможно, задерживаться, в случае же [если] их будут обходить, отходить на меня.

Немедленно отправил двух туземцев в Орошор с предписанием подпоручику Рукину за № 10 и рапорт начальнику Алайского отряда за № 9.

В это же время стрельба авганцев усилилась, раздалась в ответ выстрелы моего патруля, часть авганцев наступала к разрушенному карнизу нижней дороги и из-за находящейся тут каменной караулки и камней открыла огонь по селению.

Таджики, бывшие в нашем патруле, стали сваливать на них сверху камни. Но задерживать этим долго не могли, так как часть авганцев, наступавшая горой на патруль, стала обходить его по откосу патруль и тем заставила его отходить. Тогда я приказал открыть огонь с калы под наблюдением штабс-капитана Бржезицкого, а сам повел цепью казаков и двух джигитов из селения занять юго-западную опушку пашень, чтобы прикрыть отход моего патруля. По выходе из селения движение мое было замечено авганцами с нижней дороги, и они усилили по нас стрельбу. Пули их ложились довольно удачно, давая наполовину перелеты, наполовину недолеты, ударявшиеся в землю в нескольких шагах и у самых ног. Как только я вышел из селения, с калы последовали первые выстрелы трехлинейных винтовок. Выйдя на опушку пашень шагах в 500 от селения, я занял ее, укрыв по возможности людей за небольшими грудками собранной гальки и частью за невысокой, фута в $1\frac{1}{2}$ вышиной каменной стенкой. Людей я разделил на 2 части: первая под командой сотника Репина, которому я указал цель — стрелять по авганцам, находящимся на горе, когда они подойдут к спуску, и иметь наблюдение за правым флангом. Левая под моим непосредственным наблюдением могла стрелять как по верхним, так и по нижним.

Заняв опушку, я приказал открыть огонь. Первоначально прицел был взят на 700 шагов для стрельбы по горе и 600 для стрельбы по нижней дороге. Затем прицел установлен 550 [шагов] для стрельбы из кавалерийских карабинов (у джигитов), для казачьего образца — 500 для стрельбы по горе и 450 для стрельбы по нижней дороге. Затем [прицел] еще уменьшен на 50 шагов. С прицелом этим были свалены 2 авганца. Вообще стрельба затруднялась тем, что цели показывались очень ненадолго из-за камней, только время выстрелить — и затем опять, не наблюдая за результатом выстрела, скрывались за закрытиями. С позиции можно было насчитать на горе 22 человека в красных мундирах и 1 в белом (офицер), распорядившегося их действиями (приказания его были слышны с позиции). Находящихся на нижнем карнизе сосчитать было затруднительно, так как они были скученны и находились в тени под скалами, почему неясно вырисовывались авганцы от таджиков, но по количеству выстрелов их было столько же или немногим разве менее. Как на горе, так и внизу авганцы гнали впереди себя таджиков, не принимавших, впрочем, участия в стрельбе, но заставляя их подносить что-то и при попытках подойти к спуску с горы высылая их вперед, как бы маскируясь ими. Кроме того, заметно было движение партии человек в 40, частью с ружьями, с дальнего карниза к урочищу Вавзут и затем втянувшейся в рошу. Тем временем патруль под прикрытием огня от калы и цепи благополучно присоединился ко мне, и люди, входившие в его состав, вошли в цепь. Таким образом, на передовой позиции было 12 ружей. По донесению казака, авганцев было сперва 40 человек, причем половина наступала на патруль по откосу горы и частью обходя их справа; другая же половина, около 20 человек, направилась к нижнему карнизу. Кроме того, казак доносил, что около полусотни в красных мундирах направились через рошу в ущелье речки Вавзутч (это те, которые были видны с позиции направляющимися в урочище Вавзутч, но с позиции я цвета их одежды разобрать не мог). По донесению казака, столько же, т.е. примерно человек 40–50, переправлялись вдалеке на левый берег.

По присоединении патруля я обошел цепь и, видя, насколько сравнительно мал действительный вред, который наносила авганцам наша стрельба, приказал стрелять возможно реже и воспретил стрельбу на дымок, разрешив только стрелять в случае, если цели покажутся надолго из-за закрытий, и в случае новой попытки пройти по спуску с горы.

Отдав эти распоряжения и поручив сотнику Репину командование цепью, я направился назад на калу, откуда наблюдать было удобней. По кале авганцы пристрелялись довольно хорошо, несмотря на довольно значительное расстояние. Из трехлинейных ружей с калы стреляли сперва с прицелом на 1200 шагов. Затем я приказал уменьшить его на 1100 для стрельбы вверх по горе и на 900 для стрельбы по карнизу. По наблюдению за местом падения пуль — бьют они очень метко (в бинокль видны пыль от осколков при ударе о камень, за которым пряталась цель). Вообще же очень затруднительно было стрелять, так как цели показывались ненадолго. Когда же стрельба от нашей стороны стала совсем редкой (стреляли джигиты, а на кале я ее вовсе прекратил), авганцы стали дольше показываться из-за закрытий, и в это время я снова приказал стрелять с калы, причем каждый раз цель указывал сам, таким образом был свален на горе по первому же выстрелу 1 авганец и по третьему еще один. Один был свален на карнизе. (Результат, доказывающий возможность стрельбы на дистанции в 900 и 1100 шагов и громко говорящий за их меткость.) После этого авганцы стали осторожней и несколько ослабили огонь, но спустя около четверти часа сделали снова попытку сразу броситься к спуску. Но, встреченные выстрелами казаков и с калы, кинулись к закрытиям, причем потеряли одного человека. Итого до сих пор потерю авганцев мы могли считать в 6 человек. Было уже 4 часа пополудни, с нашей стороны стрельба почти совсем прекратилась, авганцы же не жалели свинцу, обстреливая калу, селение, и очевидно, стреляли по виднеющимся из-за деревьев палаткам и коновязи. Чтобы не потерпеть убыли в лошадях, я хотел с помощью населения переправить их на левый берег и отправить их с керекешами на Багу, оттуда горной дорогой на Сипяндж и далее навстречу подпоручику Рукину, доверив их попечениям аксакала Имца. Но когда я хватился населения и хотел собрать их, то оказалось, что при первых же посыпавшихся на селение пулях население бежало в горы, забрав скот и все, что могло унести. Остались при нас из жителей Имца только аксакал и один старик, четыре старика, пришедшие с нами, и еще двое туземцев, один шедший с нами из Сипянджа и один перебежавший накануне от авганцев, всего 8 человек. Переправлять лошадей было некому. Равным образом жители унесли весь запас муки, не успев нам приготовить лепешек. Таким образом, мы оказались без продовольствия и без скота. Положение обрисовывалось невыгодно для нас. Я приказал сосчитать число выпущенных патронов; оказалось, что на винтовку из 80 выпущено от 15 до 36, а всего до 280. При этом потерю авганцев мы знали всего в 6 человек.

Прибытие подпоручика Рукина я мог ожидать только на 9-е, самое быстрое на 8-е сутки. Отсиживаясь в кале, прокормиться можно было бы лошадиным мясом, взяв несколько голов в калу. Но патронов у меня не хватило бы. Я имел основание полагать (по крайней мере считал бы с их стороны целесообразным), что авганцы ночью спустятся с горы в селение и, пользуясь численным превосходством — на самой позиции против нас было 40 человек, а по донесению казака, всего 130, вынудят запереться в кале и могут отрезать от пути отступления. Кроме того, при данном отношении численности сторон я мог не допустить противника спуститься по спуску с горы и дебушировать по карнизу. В случае же занятия противником селения все выгоды, до удобства закрытий включительно, переходили на его сторону, разница же в преимуществах оружия на расстоянии менее 100 шагов сводилась бы к нулю. Но не допустить противника спуститься занять селение я мог только днем. Ночью я был бы бессилен, так как был бы вынужден разделить партию на две части и подойти с одной к под-

ножию спуска, а другую поместить у конца карниза. Этой части можно бы еще не допустить прохода по карнизу. Но помешать спуститься превосходящему вдвое или втрое противнику я ночью не мог бы — это была бы пустая трата патронов и риск быть обойденным и разбитым по частям.

Ввиду этих соображений, не вынужденный еще к тому противником, а по собственному убеждению, я принял тяжелое решение отступить на Багу и горной дорогой к Сипянджу на соединение с постом подпоручика Рукина. Но отступить днем значило бы вести за собой по пятам противника, а потому я решил продержаться еще 3 часа на позиции до наступления темноты и уже в полной темноте совершить отступление. О решении моем я, конечно, не сообщил людям, но принял меры к тому, чтобы подготовить движение: послал лишних людей, т.е. своих личных джигитов и фельдшера, отобрать с керекешами необходимые для команды вещи — как то: запасные сапоги, шинели, теплую одежду, котел, собрать все остающиеся съестные припасы и что только возможно унести на 8 туземцах и самим, приспособить это для навьючки на плечи и с наступлением темноты развести свет в палатке и зажечь костер. 3 часа еще продержались на позиции, поддерживая очень редкий огонь. Со стороны авганцев огонь то затихал, то снова становился частым.

Люди в бою вели себя безупречно и в день тезоименитства своего государя показали себя молодцами. Подчиненные мне г.г. офицеры были на высоте своего призвания.

В 7½ часов, в темноте уже я отдал приказание отойти с позиции к ставке. Собрал людей, я поблагодарил их за молодецкое поведение, сообщил команде о моем решении, разъяснив им, что не неприятель заставляет их отступить и не сомнение в исполнении ими своего долга — драться до последней капли крови, а недостаток патронов и уже завершленное до границы возможного исполнение возложенного на партию поручения — обрекогносцировать Рушан.

Тяжело было принять решение отойти, тяжело было и приказать это решение молодцам, доблестно защищавшим в течение 7½ часов позицию.

Приказав разобрать приготовленные вещи, надеть шинели и полушубки и сесть на лошадей (незаседланных и на недоузках, ленчики я приказал изломать), двинулись из селения к реке, переправились вброд через рукав ея, прошли гальку и, снова переправившись, слезли на камни. Здесь лошадей приходилось бросить, так как далее их днем нельзя провести.

Порядок движения следующий: впереди шли проводниками 8 туземцев и керекешы, неся тяжести, затем команда для наблюдения за порядком движения, с ней я назначил сотника Репина. В хвосте шел патруль, при котором находился штабс-капитан Бржезицкий и я. Движение было исполнено в полном порядке и совершенно скрытно от авганцев.

С большим трудом в полной темноте¹² в 10 часов вечера достигли сел. Багу. Здесь, заняв теснину, я предполагал остановиться, чтобы варить ужин команде, с утра ничего не евшей. Но селение оказалось покинутым жителями, скот уведен и оставлены только два человека. Получив от них указание, какой дорогой отправились жители и где ночуют, я отправился после привала далее горной дорогой, чтобы дойти до них и разобратся с продовольствием, так как не хотел расходовать имевшийся на людях ограниченный запас лепешек. Этих же двух туземцев выдвинул в теснину и приказал пройти до сел. Имц и мне о замеченном дать знать по горной дороге¹³.

В первом часу ночи достигли маленькой рощицы, за которой расположилось население сс. Имца и Багу с семьями на ночь. Тут же и я расположил партию на ночлег, выставив бивачного часового, и, раздобыв у населения барана и лепешек, приказал

¹² Описание дороги в маршруте № 12.

¹³ Туземцы без ноши ходят по своим горам очень быстро и всегда своевременно могут нагнать партию.

варить для команды чай и ужин. На следующий день дошел до ледника в сопровождении населения. Переход этот был чрезвычайно утомителен для людей.

1-го сентября утром получил от оставленных в Багу таджиков сведение, что авганцы отступили от Имца тою же ночью, когда и я отошел. Проверить это сведение я немедленно отрядил моего джигита шугнанца и одного казенного джигита, привычных к ходьбе по горам. В три часа, не имея еще от них донесений и опасаясь, как бы не упустить времени, я двинулся снова вниз по ущелью — к Багу. Вечером получил от джигитов подтверждение, что авганцев в Имце нет и все лошади и оставленные вещи целы. В этот день дошли до того места, где ночевали с 30 на 31. Вследствие сильного утомления людей пришлось заночевать тут. До рассвета 2-го сентября двинулись далее и в 7½ часов утра достигли с. Имц, где нашли лошадей и оставленное имущество целыми.

Отсюда послал начальнику войск Алая и Памиров рапорт № 12 и отношение подпоручику Рукину за № 13.

От перебежавшего из Худжана таджика узнал, что 30 августа убиты 3 авганца и 2 таджика, похоронены тою же ночью в роще в урочище Вавзутч. Смертельно ранены 3 авганца, оставленные ими в с. Худжане, так как не могли быть перенесены в Кала-и-Вомар, кроме того, несколько человек, как авганцев, так и таджиков, получили легкие раны. Он же сообщил, что рушанский наиб (уполномоченный, наместник) Разык ранен штыком в руку по приказанию авганского офицера и многие таджики поранены авганцами за то, что уклонялись от действий против нас. Он же говорил, что авганцев более всего поражало то, что они не видели дыма от выстрелов от калы, ясно различая различие звука выстрела и свиста пуль, и удара ее об камни. Поэтому они даже думали, не из палатки ли стреляют.

В Имце я простоял весь день 2-го сентября, чтобы успокоить этим население и дать ему, хотя бы только части мужского населения, время вернуться в селение. Таким образом, имея под рукой население, я мог бы переправить лошадей и отправить их в Багу, а затем отослал бы туда и все тяжести.

3-го сентября с утра были переправлены лошади и тяжести отправлены в Багу, затем и мы перешли в Багу, хотя население кишлака Имц умоляло не покидать их кишлака и само вместе с аксакалами перешло в Багу. В Имце же я оставил караул из туземцев, которые ради спасения собственной шкуры немедленно бы дали мне знать в случае появления авганцев.

В Багу я, хотя и не имел на то полномочий, решил оставаться и взял на свою ответственность притянуть пост подпоручика Рукина, почему и послал ему категорическое приказание за № 15 двинуться на соединение со мной. Мотивы же остановки и занятия селения Багу изложил в рапорте начальнику войск Алая и Памиров за № 14 и отношении за № 16 начальнику Памирского отряда¹⁴.

3-го числа получено сведение от подпоручика Рукина, что он идет вниз по Бартангу на соединение со мной, причем предполагает быть в Багу 6-го сентября. 4-го я получил от него отношение за № 26¹⁵, на которое послал ему мое приказание за № 15.

6-го числа пришло из Кола-и-Вомара письмо за подписью двух капитанов, Гулям-Хайдар-Хана и Азам-Хана. В письме ничего о происшедшем 30 августа, но просьба не задерживать под стражей людей, приносящих письма, не принимать население в подданство и не подстрекать к бунту. Очевидно, письмо это — придирка, чтобы доподлинно узнать, где я. Но я был доволен получкой этого письма, так как это давало мне возможность войти с ними снова в переписку и этими переговорами, как будто выжидая ответа от Ибадуллы-Хана, выгадывать время до подхода поста под-

¹⁴ Копии с рапортов и всех исходящих бумаг — приложение № IV.

¹⁵ Приложение № V.

поручика Рукина и получения инструкции от начальника войск Алая и Памиров. На это письмо я отправил в ответ письмо № 7 и на имя Ша-Сеид-Джарнейля письмо № 6¹⁶ и копию с письма к нему же от 30 августа. По моим расчетам, подпоручик Рукин мог подойти ко мне только 7-го к вечеру.

7-го числа получено одно за другим 2 письма уже от самого Ибадулла-Хана, приехавшего из Кола-и-Бар-Пянджа в Кола-и-Вомар с конвоем и расположившегося в с. Худжан. В первом письме просьба уйти из с. Багу и очистить Рушан как территорию пока безусловно авганскую, занятие которой может повести к нарушению мирных отношений держав и недоразумениям. Одновременно с этим письмом пришла грамота к населению в виде воззвания, в котором им предписывается покинуть меня и явиться с повинной к Ибадулле-Хану, причем срок назначается до вечера этого дня; в случае же неисполнения этого требования они подвергнутся жестокой казни.

Население принесло мне это послание, спрашивая моего совета, как поступить — бежать ли им всем в русские пределы, следовать ли со мной или в случае нашего ухода из Рушана идти им с повинной к авганцам. Я предоставил им решить это самим, со-славшись на то, что полномочий принимать их в подданство и вмешиваться в их внутренние дела не имею, желающие же перейти в наше подданство могут идти в Верхний Рушан и на Кудару. Остальным же посоветовал терпеливо ожидать лучшей участи, т.е. когда Рушан по договору отойдет под покровительство России. Спустя час, когда я отсылал приказание поручику Рукину за № 17 и рапорт начальнику войск Алая и Памиров за № 18, пришло 2-е письмо от Ибадуллы-Хана, в котором он просит ввиду моего желания пройти на перевал Оуду выслать в с. Имц офицера с переводчиком (2-х человек) для личных с ним переговоров. Я задержал отправку почты в тыл и выслал штабс-капитана Бржезицкого с переводчиком в с. Имц. Но этим удалось только выиграть один день — сам Ибадулла-Хан на переговоры не выехал, а выслал своего брата просить очистить Багу, так как в войсках ропот, даже офицеры ему не повинуются — хотят мстить за убитых, и Ибадулла-хан занят успокоением их, почему самолично не мог выехать. Капитан Гулям-Хайдер-Хан уже повел преданных ему солдат через побочный перевал Рабинц на Багу. Относительно 30-го августа Ибадулла-Хан просил передать, что он признает Гулям-Хайдар-Хана виновным в происшедшем. В случае же дальнейшего нашего упорства умывает руки и слагает с себя ответственность, или произойдет новое столкновение, которое может нарушить существовавшие доселе мирные отношения между Россией и Авганистаном. Относительно населения он передал мне, что Ибадулла-Хан клятвенно обещал перед несколькими выборными от жителей, ходивших в Худжан, не взыскивать с населения. Выполнение моего требования, чтобы авганцы ранее как через день по моем уходе не занимали Багу, Ибадулла-Хан также гарантировал.

8-е сентября ввиду вышеизложенного, не имея надежды на прибытие подпоручика Рукина (который, еще накануне я получил от туземцев сведение, остановился в Сипяндже) и не получая никаких приказаний насчет дальнейшего образа действий, с другой стороны, чтобы не быть причиной разрыва дипломатических переговоров, ведущихся между Россией и Англией об разграничении сфер влияния и уступки Авганистаном незаконно ими захваченных Шугнана и Рушана, я решил уйти из Багу и попытаться, преследуя указанную мне инструкцией задачу, пройти на перевал Шид-Ак-Ба в Дарвозе. В случае же невозможности пройти в Дарвоз — свернуть через перевал Хадыр-Джиф на Сипяндж и на пост подпоручика Рукина. Приняв это решение, я отправил в тыл приказание № 17 и рапорт № 18, а через 1½ часа двинулся вверх по ущелью к перевалу и дошел в этот день до ледника.

¹⁶ Приложение № VI.

Население также покинуло Багу, аксакалы и часть жителей бежали в русские пределы, другая часть пошла в горы выжидать, когда все уляжется, чтобы вернуться в кишлаки. На перевал Шид-Ак-Ба не было проводников, так как этим путем не ходят — один старик за хорошую плату взялся сопутствовать нам, так как в молодости ходил этой дорогой. 8-го числа заночевали под безымянным побочным перевалом.

9-го утром пришло письмо от Ибадуллы-Хана, содержание его: не уводить с собой жителей; собственно письмо это только предлог, чтобы получить сведение о месте нашего нахождения и направлении движения, почему я и оставил его без ответа, а принесших его туземцев оставил при себе, тем более что мне нужны были лишние рабочие руки. Равным образом через перевал Хадыр-Джиф получено известие из Сипянджа от подпоручика Рукина. Мною послано было ему тут же последнее известие, которое я мог дать о себе.

9-го с большим трудом без тропы перевалили этот перевал и вышли на большой ледник, которым подошли к перевалу Шид-Ак-Ба. Спуск с него без разработки оказался невозможен¹⁷. Но так как другого способа пройти в Дарвоз (прямая цель моей командировки) не было, да и путь соединения с постом подпоручика Рукина мог быть уже перехвачен авганцами, главное же — что пришлось бы все равно и в Сипяндж, и в последующие кишлаки возвратиться в опустелые, где не найти бы ни довольствия, ни фуража (так как я полагал, что пост подпоручика Рукина уйдет уже из Сипянджа, а за ним потянется и население), то я решил приступить к разработке спуска. Разработка продолжалась 2 дня и производилась в тяжелых условиях — сильный мороз, чрезвычайно разреженный воздух, недостаток инструмента (всего 2 уцелевших топора, приколы для коновязи и все наличные шашки), равно и недостаток фуража и продовольствия (лошади 3 дня без подножного корма, 2 дня без ячменю, ограниченный запас лепешек, которыми приходилось делиться с лошадьми; недостаток топлива).

10-го сентября в 2 часа дня спуск был разработан и приступлено к своду лошадей, который обошелся благополучно (одна только лошадь сорвалась со спуска и, показавшись по леднику, попала в щель, где и убилась на месте). К девяти часам вечера в полной темноте достигли мало-мальски сносно[го] подножного корма и топлива (терескен), сделав переход в 8 верст.

Переход этот весь совершен пешком (так как лошади после двухдневной стоянки на льду без корму положительно шатались под всадниками), наполовину по марене, страшно утомил и людей и лошадей. От подошв у людей не осталось и помину, ноги обвертывались кожей, снятой с битых быков, у расковавшихся лошадей копыта обламывались до белой линии.

11-го дошли до с. Андераб, сделав переход в 20 верст.

Еще на пути, не доходя с. Индразк, нас встретила вооруженная мултуками толпа человек в 50–60 с язгулемским амилякдаром (землевладельцем, помещиком) и миразором (тысяцким) во главе. Высланному вперед джигиту амилякдар объяснил, что они вышли вооруженные, так как думали, что по ущелью спускаются с Кумач-Дары авганцы, узнав же, что мы русские, они выходят нам навстречу с поклоном. Действительно, оба они выехали ко мне навстречу с приветствиями. Хотя нельзя сказать, чтобы приветствовали нас искренно. Толпа провожала нас до с. Индразк, где я сделал привал ввиду изнуренности лошадей. По приказанию этого же амилякдара немедленно с каждого дома были собраны для партии по 2 лепешки и по 2 снопа клеверу. Когда же я стал расплачиваться русскими кредитными билетами, то население отказалось их принимать, требуя уплаты серебром. Серебра же у нас не было, последнее серебро вышло в Верхнем еще Рушане, и в Рушане мы расплачивались щедро кре-

дитными билетами, хотя население не знало им цены¹⁸. Но в Рушане население было обрадовано нашим приходом, население же долины Язгулема было встревожено и недоверчиво расположено к нам. Население это тоже таджики-алипаразы (т.е. ишмаилиты), но свободолюбивое племя, не скрывающее своих стремлений к независимости как прежде от авганцев, так ныне в грош не ставящее дарвозские власти и самого эмира Бухарского. «Вокруг нас горы, — говорят они, — никто нам не хозяин и не повелитель; сами авганцы боялись нас, а бухарцы и подавно. Эмир же далеко от нас».

К заходу солнца партия достигла с. Андербах и расположилась на ночлег на площадке против селения на левом берегу р. Кумач-Дары.

Население приняло нас недоверчиво и неохотно исполняло требование амилякдара о поставке на партию ячменю, клеверу и муки. Чтобы расположить их в нашу пользу, пришлось заплатить им, так как бумажных денег они не принимали, за сравнительно ничтожное количество ячменя, клеверу и муки (ячменя не хватило на половинную дачу, т.е. всего было 2½ пуда, клеверу же около 80 снопов и ¼ пуда муки) 10-рублевую китайскую ямбу¹⁹, которую, собрав всех хозяев, доставивших свои продукты, заплатил выборному от них, а не через амилякдара. Население все-таки не было довольным, так как, говорили они, ямбу надо идти менять в гор. Кала-и-Хумб.

Я предложил сделать дневку, дабы дать возможность оправиться изнуренным бескормицей на перевалах лошадям. Но от этой мысли пришлось отказаться: на следующее утро вокруг нас стеклось население кишлаков Нижнего Язгулема, все поголовно вооруженные, кричащие и угрожающие, так что команду пришлось вызвать в ружье и быть готовыми к отражению нападения. Некоторые были верхами и вооружены саблями. Как объяснил нам амилякдар, причина волнения — нежелание населения, чтобы стояли и проходили по их земле. Это-де тяжело отзывается на населении и разоряет его, требуя от него выставки фуража и продовольствия при их скудном запасе. Некоторые жители говорили накануне то же самое нашим переводчикам-джигитам. Толпа доходила человек до 200, в ее рядах находился и миразор. Амилякдар выезжал к толпе, чтобы урезонить их, но на него насакивали, били и нанесли удар саблей и ножом по ноге. Хотя я имею основание полагать, что это делалось напоказ и что он был одним из главных зачинщиков. Так, впоследствии узнал, что он задержал письмо мое к капитану Февралеву и находился в сношениях с авганцами через имцского ишана, с которым переписывался.

Двигаться далее мне приходилось или к юго-западу, вниз по р. Язгулем и выйти на р. Пяндж. Этим путем мне хотелось пройти потому, что с него я имел бы возможность, остановив тяжести партии, свернуть, чтобы произвести налегке рекогносцировку перевала Одуди и спуститься возможно далее на его юго-восточную сторону, пока пути не преградит авганский пост. Другой путь — вверх по р. Язгулем до с. Джалин и через перевал Гушхон выйти прямо к гор. Кола-и Ванчу. Этот путь, хотя и худшего качества, представлял интерес тем, что по нем еще не ходили русские и об нем в описаниях Дарвоза имелись только расспросные сведения, так как приходится несколько раз вплавь и на плотах переправляться через реку, на население же, враждебное в данном случае, рассчитывать нельзя было, да и обесилевшие лошади не в состоянии были бы справиться с бурным течением реки Язгулем. Я выбрал путь на Гушхон. Приказав завьючить, я вытянул партию в таком порядке: посредине вьюки,

¹⁸ В Рушане приходилось объяснять цену наших денег в переводе на авганские рупии, о которых, впрочем, население знает только понаслышке, обходясь без денег вовсе, работая на себя или изредка прибегая к меновой торговле. Цену рубля устанавливали также таким образом: 2½ куска моты, считая стоимость куска по 41 копейке (цена, по которой для этой цели была еще на Сары-Таше закуплена партия моты), желаяшим производилась расплата прямо мотой. Мота же служила разменной монетой.

¹⁹ У меня было на 110 рублей китайских ямбов, купленных мною в Оше, но менее 10 рублей не было. Деньги же, присланные на Музкол Шаджанским отрядом, были кредитными билетами.

в голове и хвосте их по офицеру и половине состава партии; ружья имели все время заряженными. В селении нас встретила новая толпа, бывшая же за нами напирала вплотную, так что пришлось сзади спешить посаженных на лошадей двух пехотинцев, которые, примкнув штыки, отходили, держа ружья на руку. В с. Джалин равным образом нам загородила дорогу толпа жителей. Пробываться надо было нахальством. Пройдя селение, свернули в ущелье и стали подыматься им. В проводники никто не хотел идти ни за какую плату. Втянувшись в ущелье, вздохнули свободнее, и я предупредил, что если они будут двигаться вслед за мной, то буду стрелять по ним. Толпа, видя, что мы выходим из долины Язгулема, отстала от нас.

Подъем каменистым ущельем был страшно утомителен. С наступлением темноты добрались до подножного корма, где стали на ночлег, сделав переход в 14 верст. Отсюда я написал письмо дарвозскому беку и ванчскому амилякдару с предупреждением о моем движении и просьбой оказать содействие при проходе через их владения. С письмом этим отправил двух джигитов, которые, выступив на рассвете, должны были к ночи доставить их в Кала-и-Ванч амилякдару.

13-го дошли до самого перевала, но подняться на него в этот день не было возможности. Затруднение состояло в том, как втащить изнуренных лошадей и выюки на страшно крутую осыпь с обваливающимися камнями. Для опыта со страшным трудом удалось втащить на нее двух лошадей. Я со штабс-капитаном Бржезицким поднялись пешком и прошли ледник до спуска. Выяснилось, что в этот день нам не только не преодолеть всего препятствия и не перевалить на ту сторону, но и не втащить бы всех лошадей до ледника. Поэтому пришлось спуститься до ближайшей травы и с рассветом начать работу. Трава оказалась сносною, но недостаток топлива (незначительное количество кизяку, уларий помет и очень мало терескены) был крайне чувствителен при довольно сильном морозе и полном отсутствии хлеба. Мясо плохо уваривалось, тем более что весь запас соли вышел. Всего пройдено в этот день от ночевки до ночевки около 4-х верст.

14-го утром был мне доставлен через Рушан и долину Язгулема пакет от полковника ИONOBA с приказанием за № 31 от 9-го сентября с урочища Кок-Джар²⁰. Пропев «Спаси Господи люди твоя», партия двинулась к перевалу. После некоторой разработки, состоявшей в укладывании камней таким образом, чтобы они не так легко осыпались, приступлено к втаскиванию лошадей, занявшему 5 часов времени, причем каждую лошадь приходилось тянуть вчетвером, держа за путлища или за выюк и поддерживая зад за хвост.

На той стороне перевала встретил высланных из Кола-и-Ванча нашим джигитом несколько жителей, несших для нас свежие лепешки и доставивших от джигита донесение, что амилякдар на охоте, жители же к нам враждебно не настроены и все обстоит благополучно. В темноте уже дошли мы до г. Кала-и-Ванча, переправившись у него по мосту через р. Ванч, сделав переход в 16 верст. Верстах в трех навстречу мне выехал вернувшийся амилякдар и радушно приветствовал нас.

15-го я наконец мог назначить дневку. Со стороны ванчского амилякдара было оказано всякое содействие в закупке фуража и продовольствия, равно в закупке кожаных чариков для команды, сносившей окончательно обувь. В Ванче мне удалось разменять ямб на бухарское серебро, причем одного процента за мену брали 18%. Русских же бумажных денег не принимали и не меняли. Отсюда я отправил вперед через Каратегинское бекство рапорт за № 20.

Дойдя до Кала-и-Ванча, я считал возложенное на меня поручение оконченным, предстояло только довести команду возможно скорее кратчайшим и удобнейшим путем в Фергану, который я выбрал вниз по р. Ванчу, затем по Пянджу, р. Висхарви на

перевал того же имени, затем через Вахию по р. Хингу, затем через перевал Гардани-Кафтар в Каратегин и вверх по р. Сурхоб в долину Алая. Маршрут исполнен следующий:

16-го — селение Даштак	25 верст
17-го — Пошхарв	26
18-го — Тогмай	18

Из селения Тогмай я командировал штабс-капитана Бржезицкого с урядником и двумя джигитами в гор. Кала-и-Хумб. Штабс-капитану Бржезицкому я поручил представиться дарвозскому беку и просить его содействия в размене русских кредитных денег на бухарские. Равно закупить чаю, сахару, соли, приварочных продуктов, подков и гвоздей, в которых партия терпела полный недостаток, для чего ему была придана вьючная лошадь. Штабс-капитану Бржезицкому я поручил также принести жалобу беку на враждебный прием, оказанный нам на р. Язгулем.

19-го — селение Барауч, р. Оби-Висхарви	8 верст
20-го — дневка	

К вечеру вернулся из г. Кала-и-Хумба штабс-капитан Бржезицкий, исполнив все поручения. Он был принят беком и встретил с его стороны содействие. Относительно моей жалобы бек просил передать мне, что с виновных будет взыскано. Для сопровождения меня по Вахии до Каратегина он назначил двух нукеров.

21-го перевалили через перевал Висхарви и заночевали под ледником. 20 верст

22-го — сел. Сингвор (на р. Хингоу в Вахии) (в Сингворе встречены вахийским амилякдаром). 22 [версты]

23-го — сел. Кала-и-Ладжирк 20 верст

Утром 23-го получил письмо от каратегинского бека, пославшего по просьбе командующего войсками Ферганской области людей на розыски и встречу вверенной мне партии. В г. Кола-и-Ладжмирке я оставил большую часть вьючных лошадей, которые от утомления следовать за партией не могли, при двух керекешах и одном джигите, которому были оставлены деньги на покупку фуража. В письме моем каратегинскому беку я также просил, чтобы власти имели попечение об оставленных сзади лошадях и имуществе (палатки, которых не ставили, и прочие вещи, без которых можно было обойтись).

Оставленные лошади должны были стоять два дня на дневке, а затем небольшими переходами следовать в Маргелан, куда прибыть 5-го числа октября.

24-го — через перевал Гардани-Кафтар, остановились в 7 верстах от киргизской зимовки Куляк	26 верст
25-го — зимовка Джилянды	29
26-го — зимовка Кара-Сай	28
27-го — урочище Каты-Курган (в пределах Ферганы)	42 версты
28-го — ур. Кок-Су, не доходя 7 вер. Дараут-Кургана	22
29-го — через перевал Тенгиз-Бай до ур. Лянгар	52
30-го — сел. Уч-Курган	51
1-го — гор. Нов. Маргелан	

Всего вверенный мне разъезд пробыл в рекогносцировке 57 дней, на это число приходится 5 дней, 4 дня стоянки в сел. Имце и 6 дней стоянки в с. Багу, 45 дней марша. Пройдено пути 976 верст.

За все время больных в партии не было, кроме горной болезни на перевале Шид-Ак-Ба. Все строевые лошади разъезда доведены здоровыми, хотя в походе были случаи ушибов о камни, вызывавших хромоту.

За время рекогносцировки составлены следующие работы:

Описание маршрутов по Рушану.

Собраны материалы к составлению очерка Рушана, перепись населения и сведения о средствах страны.

Штабс-капитаном Бржезицким составлена съемка в масштабе 5 верст в дюйме пройденного пути от Таш-Кургана до урочища Вавзуч и затем пути от с. Багу в Рушане до гор. Кала-и-Ванч в Дарвозе.

Работы эти прилагаются к отчету.

Составлял Генерального Штаба капитан Ванновский.

Summary

N.L. Luzhetskaya

**Data on the History of the Pamir's Delimitation
in the Orientalist Archives of the St. Petersburg Branch
of the Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
A.E. Snesev's Collection: "Report of Captain Vannovsky, GS,
on the Reconnaissance Trip to Rushan" (1893)**

The publication is bringing forward a document from A.E. Snesev's collection, forming Part I of file 115 "Captain Vannovsky's Report" (f. 3–35). This formerly unpublished document represents a detailed account of the dramatic trip of Captain Vannovsky's small detachment to the debatable valley of Bartang (West Pamirs) in September, 1893, and his clash with Afghan frontier guards, on the eve of the final delimitation of the area. The significance of Vannovsky's expedition lies in the collected information of geopolitical character as well as in its scholarly results.